

КОНКУРСНАЯ РАБОТА

Субъект Российской Федерации:

Нижегородская область

Город (населенный пункт):

Арзамас

Полное название образовательной организации:

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение

«Средняя школа №10»

Участник конкурса:

Горбова

Ксения

Сергеевна

Класс, курс обучения участника:

8 класс

Тема сочинения:

«Че-ло-век»

Жанр сочинения:

рассказ

СОЧИНЕНИЕ

Скажите, в какой российской семье нет традиции на майские праздники уезжать в деревню, ближе к своим корням, ближе к родной земле?

Мама и папа начинали сборы накануне, получается, еще в апреле, а на утро, на первое майское утро мы, прихватив большую сумку с одеждой на любую погоду (а вдруг дождь?), «загружались», как говорил папа, в автомобиль и пускались в путь.

Первомай всегда проходил весело. Бабушка с дедушкой накрывали стол в беседке, уже увитой первыми листочками плюща, а прабабушка пела советские песни о весне и труде, и голос ее, чуть надломленный прожитыми годами, звучал в шуме майского ветра задорно. Когда у беседки появлялись соседи во главе с гармонистом дядей Гришей, становилось совсем хорошо от ощущения, что все люди – братья, заставлявшего трепетать от любви к миру даже детскую душу.

Но День Победы в деревенской избе наступал неизменно тихо, так же тихо, как ступает по половицам родимого дома закаленный в боях фронтовик, до сих пор не смеющий поверить в то, что война осталась в прошлом. Нашей семье наравне с сотнями тысяч других семей было кого вспомнить... Портреты этих людей священны, как иконы, и бережно хранятся в альбомах, в рамках на стенах.

Мы вспоминали прадедушку, который, пешком добравшись до ближайшего города – только там и был призывной пункт, - с винтовкой в руках прошел, как ни банально это звучит в нынешнем веке, весь путь от Москвы до Берлина. Прадедушка вернулся домой живым и почти невредимым: стоит ли говорить о легкой контузии да оторванном осколочным ранением мизинце левой руки, когда в соседние дома глава семьи мог вернуться без ноги или же вместо него на пороге оказывался почтальон с письмом в виде треугольника.

Мне было восемь, когда 9 мая прабабушка взяла в свою сухую, жилистую, но крепкую руку мою испачканную соком ранних одуванчиков ладонь и повела меня вдоль улицы. Через пять домов по правую сторону от прабабушкиной избы в густой траве угадывалась аккуратная тропка до деревенского кладбища. Я знала, что эта «неофициальная» дорога позволяла подойти к могилам в обход главных ворот – до них вела другая дорожка, широкая, рассчитанная изначально под телегу, а потом под автомобиль, на которых жители деревни отправлялись в последний свой путь.

Мы постояли у могилы прадедушки. Я держалась за ограду и все смотрела на фотографию пожилого мужчины с четко обозначенными чертами лица и теплым взглядом голубых глаз, смотрела на памятник, увенчанный алой пятиконечной звездой. Где-то в промежутке между датой рождения и датой смерти моего прадеда уместилась страшная страница истории, именуемая Великой Отечественной войной... Кто-то из покоившихся рядом людей так и не смог перевернуть эту страницу, навсегда застыв на поле боя.

Прабабушка ласково отерла весеннюю пыль с фотографии мужа, выдернула несколько травинок-сорняков из небольшого холмика... «Пойдем», - сказала она наконец и снова потянула за собой.

Очень скоро мы оказались чуть в стороне от старых захоронений, и прабабушка остановилась у самой неприметной могилки. На ней не было креста, стоял только скромный камень с грубо выдолбленной русскими буквами немецкой фамилии и даты смерти – апрель 1945.

- Ба, это кто?.. Это фашист? Вы его похоронили? – с ужасом проговорила я. Для ребенка, видящего в мире только черное и белое, осознание факта, что враг лежит рядом с героями, было невыносимым.

- Это че-ло-век, - строго отчеканила прабабушка, а после рассказала историю.

Совсем молодого пленного немецкого солдата наши красноармейцы оставили в деревне – он был тяжело ранен, худ, а потому тормозил отряд. Жить ему оставалось недолго, это становилось понятно при первом же взгляде на парня. Жительницы деревни и несколько стариков обступили солдата, не зная, как быть. Кто-то советовал добить его, чтобы не мучился, кто-то настаивал бросить, чтобы он «подох, как собака, ведь с нашими там (кивок головой) никто не церемонится». Немецкий солдат пересохшими губами повторял одни и те же слова: «Ich wollte nicht... wollte nicht...» - на большее у него, видимо, уже не хватало сил. «Не хотел, говорит», - прошептала тоненькая учительница иностранного языка, заломив руки. Все окаменели. Каждый думал о своем. Солдату дали воды, а к вечеру он

перестал дышать, и в больничных сенях, где он лежал, больше не шелестели немецкие слова, смиренные, а не воинствующие.

- Так почему его похоронили-то, ба? Враг же! – требовательно спросила я тогда.

Прабабушка взяла мое лицо в теплые ладони и серьезно посмотрела мне прямо в глаза.

- Услышав перевод его последних простых слов, мы... Тогда надломилось что-то в наших сердцах. Волной поднялась невыносимая боль за погибших и замученных. Горло сдавило от жалости к загубленным судьбам. Нет прощения тому, что сделали фашисты. Но нет и бесконечной мести за это. Среди отчаяния, ярости, страданий родилось милосердие – не к немцам, не к русским – к людям. Нет ничего на свете, что может оправдать войну. Нет ничего на свете, что будет стоить хотя бы одной человеческой жизни. Есть только память об ошибках, есть негласная клятва о том, что нельзя допустить новой войны. И эта клятва без срока давности.

С того Дня Победы я, приникая к окну машины, на обратной дороге часто вспоминала могилку немецкого пленного солдата. Его тоже не дождалась домой мать, не встретила любимая девушка. Сколько таких за годы Второй мировой поломанных судеб можно насчитать? Как много людей позволили злой воле одного человека перечеркнуть свое будущее? Я вспоминала и слова прабабушки, и тогда мне хотелось обнять весь мир, чтобы не допустить в нем новых бессмысленных страданий.